

А. Г. Власенко

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «1812 ГОД: ОТ НЕМАНА ДО ВИТЕБСКА»

Книга представляет собой комплексное исследование хода военных действий на всех участках противостояния от Прибалтики и по восточной дуге до Волыни с 11 (23) июня – дня переправы Великой армии через Неман, и по 17 (29) июля, когда возвратившийся в Витебск Наполеон, войдя в свой новый кабинет, отстегнув шпагу и бросив ее на стол, покрытый развернутыми картами, сказал: «Кампания 1812 года кончена! Кампания 1813 года делает остальное!»¹. Структура текстовой части работы очень проста: она состоит из небольшого вступления и 38 глав. Каждому дню кампании отведена отдельная глава, что в совокупности составляет 37 глав. Последняя глава – это выводы. Несмотря на их обширность, я бы не советовал спешить их читать до знакомства с текстом. Дело в том, что в последней главе собраны, образно говоря, выводы четвертого уровня. Остальные находятся в тексте: самые простые помещены в подстрочных примечаниях, далее идет анализ текущих событий войны и разбор более крупных – боев, операций.

Почему именно первый этап войны? Он наименее изучен. Столь категоричное утверждение может показаться странным. Ведь хорошо известны работы ведущих дореволюционных историков: В. И. Харкевича о действиях 1-й Западной армии, атамана Платова в арьергарде Багратиона и самой 2-й армии; француза А. Бонналя о Виленской операции и, конечно же, М. Иностранцева с его фундаментальной и даже эталонной работой о 2-й Западной армии от начала войны до Смоленска². Из современных авторов этот отрезок серьезно заинтересовал лишь одного специалиста – самого крупного современного историка войны 1812 года А. И. Попова³. К сему списку нельзя не добавить, хотя она выходит за рамки темы, совершенно уникальную работу А. И. Сапожникова о донских казаках⁴. Однако все эти исследования касались отдельных эпизодов, операций, тем и проблем данного периода и не рассматривали его в целом. Если же обратиться к трудам, описывающим в целом Отечественную войну 1812 года, можно заметить,

что они написаны слишком крупными мазками и без соблюдения причинно-следственных связей, а некоторые вообще представляют собой личное мнение их авторов.

Все это вынудило нас при работе над книгой обратить внимание, прежде всего, на восстановление хронологии событий. Наиболее действенным средством к достижению этой цели оказался календарный способ изложения в режиме ежедневника. Сделанный выбор укрупнил детали и позволил увидеть их под другим ракурсом. Появилась возможность проследить за зарождением идей, планов противоборствующих сторон и их реакцией на действия оппонента. Важную роль стали играть пространство и время, особенно в условиях отсутствия в 1812 г. быстрых средств коммуникации. Рельефнее проявились личности участников войны. Появились психология момента и эмоции, что помогло понять, из-за чего Наполеон устроил головомойку Монбрену в Вильно, а генерала П. М. Колюбакина, командира 12-й пехотной дивизии, называли трусом, почему И. С. Дорохов чуть не погубил пехоту своего отряда, из-за чего срывался хладнокровный Барклай де Толли? Без учета и выявления фактов, которые относятся к психологии, вообще нельзя серьезно рассматривать военную тему.

В процессе работы пришлось отказаться от большинства так называемых диахронных источников, в которых слишком много искаженного, исправленного задним числом. Как пример можно привести оправдательные записки Барклая де Толли о войне, яркие мемуары-обманки баронов К. А. фон Крейца и Ж. Б. Марбо. В результате книга базируется на двух изданных сборниках документов – пятитомнике Ж. Фабри и девятнадцати томах «Отечественной войны 1812 года» по материалам Военно-ученого архива Главного штаба⁵. Третьим основополагающим источником стали архивные фонды, которые использованы максимально широко, что позволило привлечь массу документов, ранее никогда не публиковавшихся и не использовавшихся. Наиболее значимые, как по объему, так и содержанию – журнал начальника Главного штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолова и рапорт П. П. Коновницына о бое 14 июля. При этом синхронные документы были дополнены антохронными⁶ источниками. Зачем нужны были последние, чем могут помочь материалы о событиях, предшествующих Отечественной войне 1812 года? Приведем пример. Во время боя 11 июля при Салтановке на переднем крае были развернуты 6-й егерский полк и Алексопольский пехотный, в то время как 41-й егерский полк оставался в резерве. Странное присутствие егерей в тылу при явной потребности использовать их на закрытой местности в перестрелке с противником объясняется просто. 41-й принадлежал к числу тех полков, которых из-за

недостатка егерей по предложению Баркляя де Толли и в соответствии с государевым повелением от 22 октября 1810 г. переформировали из пехотного. Получилось неудачно – перейдя из одной категории инфантерии в другую, он не смог стать полноценным егерским. В 1811 г. по итогам учений 41-й егерский оказался худшим полком 12-й пехотной дивизии. Поэтому в лесу на передовой действовал Алексопольский пехотный полк, недавно вернувшийся из экспедиции против горных черкесов и усвоивший на практике стрелковую тактику. Понимание логики действий участников войны позволяет познать смысл происходившего.

Значительное место в тексте уделено военной статистике. Она является незаменимым помощником в решении нескольких задач: в более точном определении численности русских сил, вступивших в борьбу с Наполеоном; определении степени подготовки и эффективности вооруженных сил в целом и отдельных частей в частности; определении степени мастерства командных кадров и конкретных военачальников. Кроме того, знания состава, численности и потерь позволяют проникнуть в смысл и суть военных операций, боев и сражений. Так же как без этих данных мы не можем узнать, какой ценой досталась нам победа и что лежит в ее основе.

Итак, удалось уточнить состав, численность и потери русской стороны в делах под Миром, Динабургом, Экау, Салтановкой, Островно и Какувячино, выявить офицерские потери при Козянах, подкорректировать состав и численность гарнизонов крепостей Динамюндской, Рижской, Динабургской, Бобруйской и Смоленской. Обнаружены ведомости подвижной инвалидной №27 роты, застигнутой врасплох в Поневеже, и присоединившихся ко 2-й армии донских казачих полков Быхалова 1-го и Комиссарова 1-го. Ранее неизвестные документы позволили определить, сколько же полков 27-й пехотной дивизии присоединилось 21 июня к армии Багратиона. Оказалось – четыре полка, или $\frac{2}{3}$ дивизии. Благодаря архивным розыскам Поликарпова мы знаем о потерях местного гарнизонного батальона в деле 8 июля под Могилевым, но ничего не было известно о потерях отряда Грессера 2-го. Найденный рапорт полковника от 9 июля позволил заполнить эту лауну. При этом мы узнали, что у него, помимо двух запасных батальонов, было около 350 рекрут и неизвестное доселе подразделение – Санкт-Петербургского округа гарнизонная артиллерийская №1 полурота. Конечно, численность ее незначительна, чуть меньше 60 человек. Однако таких частей, которых исследователи 1812 года не учитывают в подсчетах общей численности русской армии, действовавшей против Наполеона, довольно много. Так, в Динамюндской крепости находилась Кронштатская артиллерийского гарнизона полурота, 3-я рота 39-го корабельного экипажа. Помимо них

в крепостях (Динамюнд, Рига, Бобруйск, Динабург) были местные инженерные, артиллерийские и иные команды. Необходимо учитывать и подвижные инвалидные роты, внутренние гарнизонные батальоны и уездные инвалидные команды, находившиеся в зоне боевых действий или участвовавшие в обслуживании армейских нужд, а были еще командированные. Конечно, численность их будет незначительна и едва составит тысяч пять, но учитывать их надо.

Восстановление цепи событий в их неразрывности и связи позволило приступить ко второй главной цели, поставленной автором перед собой: попытаться понять, почему произошли те или иные события, каково соотношение воздействия объективных и субъективных факторов на ход военных действий, каков вклад отдельных личностей в победы и поражения. И конечно, ответить на накопившиеся за две сотни лет многочисленные вопросы, которыми просто усеян начальный период войны.

До сих пор начало войны чаще всего обозначается фразой «в ночь на 12 июня», а первыми встречают врага на российской территории гвардейские казаки, хотя еще сто лет назад в юбилейном журнале «Тысяча восемьсот двенадцатый год» Н. П. Поликарповым были опубликованы документы однозначно указывающие, что у Ковно не было никаких лейб-казаков. Благодаря другим документам мы можем реконструировать события начала войны, а заодно разрешить загадку: почему сообщение императору Александру о переправе неприятеля поступило не от военных, а от полицейских. Казаки, а это были бугцы из 1-го их полка, обнаружили французов около 11 часов вечера 11 июня. Тотчас к начальнику авангарда 2-го пехотного корпуса, которому были приданы эти казаки, был отправлен нарочный. Однако генерал-майор А. М. Всеволожский посчитал невозможным отправить своему начальнику столь серьезное сообщение, не получив более определенных сведений. Дело в том, что 1-й Бугский есаула С. Ф. Жекулы не пользовался доверием командования. Командир корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Багговут считал, что тот, «не имея исправного настоящего полкового командира время от времени приходит в разстройство... по елику командующий ныне сим полком есаул Жекула к тому не способен...»⁷. Мог Всеволожский знать и о том, что 7 июня французы уже переправлялись через Неман у Юрбурга. Однако перешедшие там границу вскоре вернулись на свой берег. В общем, у Алексея Матвеевича были веские причины самостоятельно удостовериться в случившемся. На месте он увидел, что многочисленная французская пехота заняла мыс и постоянно усиливалась за счет переправляющихся перегонными лодками. На российской стороне имела даже кавалерия, но ее было мало, «артиллерии по темноте

приметить было невозможно»⁸. Оставив наблюдать за врагом казаков, он направился в Ковно, чтобы распорядиться об уничтожении моста через Вилию, мост через Неман был снят раньше по приказу Барклай от 6 июня. На одном из документов Всеволожского о переправе стоит редкая для российских штабных документов отметка времени: «3 часа пополуночи». Вот почему его начальник Багговут получил сообщение о переправе только к полудню 12 июня. В некоторых работах утверждается, что сообщение о начале войны в Закреты привез ковенский полицмейстер Е. А. Бистром. Это не так. Согласно записке императору о принятии Бистрома на военную службу, он «до Дриссенского лагеря находился безотлучно при авангарде 2-го корпуса»⁹.

Наверное, самым интригующим вопросом начального периода войны является вопрос, предполагало ли русское командование завлечь неприятеля вглубь страны? Документы, и прежде всего личная переписка Александра I, с абсолютной ясностью показывают, что император в начале кампании исходил совершенно из иной стратегии войны. О ней откровенно сказал Барклай де Толли, подводя итоги большой войны 1812–1815 гг.: «Тут надобно заметить, что до начала войны отступление наше кажется не предвиделось более Двины и не к Смоленску, почему за оною рекою мало было готовых магазинов, коих и не можно и не должно иметь везде»¹⁰.

Краеугольным камнем русского плана, или плана императора Александра¹¹, был Дрисский укрепленный лагерь. Подвергнутый жесточайшей критике со всех сторон, он стал символом некомпетентности. При этом увлеченные критикой специалисты не замечали, что сам по себе лагерь выполнил свое предназначение: прибыв в Дрисский лагерь, 1-я Западная армия притянула на себя около 110 тыс. войск в трех пехотных дивизиях, двух армейских и двух кавалерийских корпусах Великой армии. Наполеону пришлось, затратив дополнительное время, создавать особую группу в 70 тыс. солдат из двух армейских корпусов и Императорской гвардии, чтобы совершить глубокий обход лагеря. Таким образом, можно констатировать, что Дрисский укрепленный лагерь оправдал возложенные на него ожидания. Его беда, а не вина заключалась в том, что численность противника оказалась значительно больше, чем помышляли Александр и Барклай де Толли. Имея на руках данные разведки о 400 тыс.¹², которых Наполеон мог двинуть на Россию, исходили из 200–250 тыс.¹³ Об этом говорит поворот императором 2-й армии к Вилейке вместо предполагавшегося ее движения на Минск, да и весь план Дрисской операции.

Отступление 1-й армии на заранее оговоренные позиции к Дриссе сопровождалось опустошением оставляемой территории, уничтожением мостов,

переправ, мельниц, конской упряжи, угоном скота, вывозом архивов и чиновников. Все было учтено и организовано для истощения и затруднения передвижений неприятеля. Все, кроме одного, но важнейшего элемента – давления на врага, нанесения ущерба его боевым частям, используя преимущества обороны и знания местности. За время отступления от границ до прибытия армии к Дрисскому лагерю 1-я Западная армия приняла участие всего лишь в одной относительно серьезной стычке 23 июня. Общие потери русской стороны составили около 250 человек. С 26 по 29 июня вообще никаких столкновений не было за отсутствием контакта с противником. Барклай временами приказывал не отступать слишком быстро и даже требовал беспокоить неприятеля, в том числе и по ночам, но последнее касалось необходимости захвата пленных, чтобы узнать о намерениях противника. Однако распоряжения, как правило, оставались не реализованными. Лишь рейд Я. П. Кульнева 3 июля за Двину, кстати, после полученного выговора за отход, привел к разгрому двух французских полков. В течение месяца с начала войны и до 13 июля, когда произошел первый настоящий бой, 1-я Западная армия в боевом плане не сделала ровным счетом ничего.

Главной целью всех действий самой большой армии империи стало избегание противника. В письме государю от 21 июня Барклай де Толли исчерпывающе высказался по данной теме, заявив, что не собирается входить в серьезное дело и подвергнуться опасности боя, который «не мог бы иметь другой цели и другого результата кроме потери значительного числа людей, которую я никогда себе не позволю и не прощу»¹⁴. Ради этого приходилось оставлять великолепные оборонительные позиции, которыми богата эта часть империи, изобилующая труднодоступной закрытой местностью: дефилеями, густыми лесами и разного рода водными препятствиями. Покидались даже позиции, специально выбранные для обороны, с которых заранее до войны снимались планы. Отходили, несмотря на то, что в авангарде Мюрата действовала одна легкая кавалерийская дивизия, поддержанная несколькими батальонами пехоты. Ей приходилось развертываться на большой площади и на острие наступления в лучшем случае находились одна-две кавалерийские бригады не полного состава общей численностью 2–3 тыс. человек. Русская сторона была отлично информирована об этом и о том, что наступающая кавалерия не имела серьезной поддержки: «Пехота у них, – общал Барклай де Толли императору 18 июня, – только служит для прикрытия ретирады; ибо оной всего два или три батальона, кои остаются всегда в некотором от кавалерии расстоянии»¹⁵.

Редкое для русской армии и похвальное желание беречь людей при ущербной тактике ведения войны привело к тому, чего так старался избежать Бар-

клай де Толли. Под Витебском пришлось столкнуться лоб в лоб с противником, собравшим крупные силы, и хотя встречали его на оборонительных позициях, потери русской стороны были равны или даже превосходили французские. Упустив благоприятные возможности нанести поражения отдельным отрядам противника (прежде всего наиболее мобильным частям – кавалерии), Барклай своими руками создавал себе трудности в будущем. Такая тактика перекладывала судьбу кампании на генеральное сражение с неизбежными крупными потерями, не озабочиваясь боевой подготовкой его. И главная вина в сем выборе лежит на Михаиле Богдановиче как боевом генерале-практике с большим опытом. Император Александр пока так и оставался сторонником чистого маневра, предполагая выиграть войну простыми эволюциями и перемещениями войск наподобие тех, которые он так любил организовывать при маневрах на Царицыном лугу.

2-й Западной армии в полном соответствии с названием предназначалась партия второй скрипки. Ее вторичность была подчеркнута довольно необычным приказом от 12 июня, согласно которому Багратиону надлежало поддерживать наступление летучего казачьего корпуса Платова. Оба генерала, каждый по своей причине, отказались от исполнения одобренного государем решения. При этом князь предложил своему коллеге по операции не увлекаться наступлением, а отходить северным берегом Немана на Минскую дорогу. В результате в самом начале войны проявилась несогласованность в действиях русского командования, инициатором которой выступил Багратион. Чуть позже он подверг кардинальной корректировке планы верховного командования. Честь заманивания неприятеля вглубь России должна была принадлежать не Барклаю де Толли, активно отстаивавшему свой приоритет задним числом в оправдательных записках, и тем более не императору Александру, а стороннику активных наступательных действий князю Петру. Ирония судьбы, подкреплённая строгими фактами. 23 июня Багратион отказался от следования на соединение с 1-й армией и повернул к Несвижу. Через два дня он окончательно отбросил мысль о движении к Минску. Его путь лежал к Бобруйску, на 105 верст восточнее и 85 верст южнее. Прямым следствием поворота Багратиона стало затягивание военных действий на целый месяц, так как соединение двух армий произошло только 22 июля у Смоленска. «Я уверен, – писал Багратион 1 июля военному министру, – что если бы удалось мне пройти Минск и быть ближе настоящего положения к соединению с первой армией, тогда бы с большою дерзостью неприятель взял бы направление внутрь России, нежели теперь на сие осмелился»¹⁶. На Двине решение о продолжении отступления 1-й Западной армии официально оформилось на военном совете

1 июля. На правый берег главные ее силы перешли 2-го, а марш на Полоцк начался 4 июля. Причиной необходимости отхода были признаны отсутствие 2-й армии и потребность соединения с ней, а также сведения о намерении противника обойти Дрисский лагерь.

5 июля император отправил Багратиону письмо, в котором прозвучали слова о выбранной стратегии в войне с Наполеоном: «Вся цель наша к тому должна клониться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может нам дать возможность преодолеть столь сильного неприятеля...»¹⁷. Цитата, вырванная из контекста событий, активно используется как доказательство существования и реализации довоенного царского плана глубокого отхода. Она отлично ложится на многочисленные устные и письменные высказывания государя до войны и в ее начале о твердом намерении воевать до последнего клочка земли русской. Только в тот момент, когда оно появилось на свет, Багратион уже осуществлял заявленные идеи государя и совершал их вопреки и желанию, и намерениям того. В день получения известия о повороте 2-й армии к Несвижу (26 июня) Александр потребовал от князя «немедленно» направиться на правый фланг неприятеля¹⁸. Барклай 27 июня охарактеризовал действия своего коллеги просто, но жестко: «непростительно»¹⁹. 1 июля Багратиону отдается приказ от Бобруйска «действовать решительно и быстро» в направлении Борисова²⁰. В письме Салтыкову от 6 июля отход Багратиона к Бобруйску назван царем «ненужным», так как затягивал соединение его с 1-й армией²¹.

Отступление Багратиона на первом этапе войны, когда его армия, несмотря ни на что, за 35 дней прошла 750 км и соединилась с 1-й армией, без преувеличения можно назвать подвигом. Подвигом его, как военачальника, так и его подчиненных, но деяния князя Петра не ограничиваются только этим. Именно его маневр поставил точку в судьбе Дрисского укрепленного лагеря и всего плана войны Александра I. Даже если бы А. Ф. Мишо, маркиз Ф. О. Паулуччи, барон Л. Л. Беннигсен и другие дали превосходную оценку лагерю, оставаться в нем после отказа Багратиона от движения к нему уже не имело смысла. Александр отлично это понимал: «Крупные ошибки, сделанные князем Багратионом, – писал он 24 ноября 1812 г. Барклаю, – поведшие к тому, что неприятель упредил его у Минска, Борисова и Могилева, заставили вас покинуть берега Двины и отступить к Смоленску»²². Кстати, судя по аргументации монарха, видно, что при ином варианте развития событий он постарался бы реализовать свой план.

Разрушив подготовленный государем план войны с Наполеоном, Багратион заменил его на свой стихийно-интуитивный, вспомним его колебания

относительно Минска. Однако князю не удалось подключить к нему своего коллегу Барклая де Толли. Все его попытки (официальные через прямые обращения к Михаилу Богдановичу и императору, личные через графа Аракчева и совсем уж неофициальные в обращении к младшему по званию Ермолову) активизировать 1-ю армию для совместных действий ни к чему не привели. Пассивная тактика Барклая, снимающая, как он считал, с него ответственность, сделала его армию ведомой в зависимости от действий Багратиона. В результате осуществленный князем Петром вариант ведения войны «сработал» и при неудачном деле при Салтановке. Именно неуспех 2-й армии избавил Барклая и его армию от несвоевременного генерального сражения под Витебском, где пришлось бы сражаться, имея около 74 тыс. человек против по крайней мере 110 тыс. во главе с Наполеоном. Давайте же переадресуем большую часть похвал «в правильной оценке стратегической обстановки», обращенных к Барклаю де Толли, а теперь часто и к Александру I, князю Петру Ивановичу Багратиону и воздадим ему должное. Пора уже. Ибо на первом этапе войны 1812 года именно князь Багратион сыграл главную роль и в спасении армий, и в затягивании войны.

В свое время Кутузова осуждали за его фразу из рапорта от 16 сентября императору о сдаче Москвы: «Последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал»²³. Если во второй части не обошлось без лукавства со стороны Михаила Илларионовича, то в его связке Смоленск – Москва много правды. Анализ первых 37 дней кампании 1812 г., на мой взгляд, демонстрирует, что будь Барклай де Толли более активен, французы не смогли бы дойти до Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход в Россию: Записки адъютанта императора Наполеона. М., 2003. С. 51.

² *Харкевич В. И.* Война 1812 года: От Немана до Смоленска. Вильна, 1901; Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 г.: Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1901; Действия князя Багратиона в 1812 году // Воен.-ист. сборник. 1913. № 2–3); *Бонналь А.* Виленская операция. СПб., 1909; *Иностранцев М.* Отечественная война 1812 года: Операции 2-й Западной армии князя Багратиона: От начала войны до Смоленска. СПб., 1914.

³ *Попов А. И.* Кобрин. М., 2013.

⁴ *Сапожников А. И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012.

⁵ *Fabry G.* Campagne de Russie. P., 1900–1903. Т. 1–5; Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива Гл. штаба. Отд. 1. СПб., 1909–1912. Т. 1–15, 17–19.

⁶ От лат. приставки ante – при указании времени перед чем-либо, до чего-либо.

⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 17. Д. 2105. Л. 104–104об.

⁸ Тысяча восемьсот двенадцатый год. М., 1912. № 6. С. 212.

⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 169. Ч. 10. Л. 7.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 220. Л. 25об.

¹¹ *Власенко А. Г.* Русский план 12-го года и Дрисский лагерь // 1812 год: Люди и события великой эпохи: Материалы Междунар. конф. Москва, 19–20 апреля 2012. М., 2013. С. 90–99.

¹² *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 95, 158–159.

¹³ Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива Гл. штаба. Отд. 1. СПб., 1910. Т. XIII. С. 157, 158; *Харкевич В. К.* К истории 1812 года // Воен. сборник. 1906. № 6. С. 231.

¹⁴ *Харкевич В. К.* К истории 1812 года // Воен. сборник. 1906. № 5. С. 257–258.

¹⁵ Отечественная война 1812 года. Т. XIII. С. 185.

¹⁶ Там же. СПб., 1911. Т. XVI. С. 5.

¹⁷ Там же. СПб., 1911. Т. XVII. С. 275–276.

¹⁸ Там же. С. 274.

¹⁹ *Харкевич В. К.* К истории 1812 года // Воен. сборник. 1906. № 7. С. 178.

²⁰ Отечественная война 1812 года. Т. XVII. С. 131.

²¹ Там же. СПб., 1914. Т. XVIII. С. 205.

²² М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV, ч. 1. С. 234.

²³ Там же. С. 475.